

The background is a painting of a winter street scene. In the foreground, a table is set with a dark teapot, a large metal tray, and several small teacups on saucers. The street beyond is covered in snow, with bare trees and multi-story buildings. The overall style is soft and painterly, with a muted color palette of blues, greys, and browns, accented by the yellow text.

Разговоры
на кухне

Баранова С.В.

Светлана Викторовна Баранова

Разговоры на кухне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30075785

SelfPub; 2018

Аннотация

С одной стороны, это история о женщине, история о любви. Бывает такая любовь, что не оставляет выбора. Эта история именно о таком чувстве. С другой стороны, это история о двух мужчинах. Одного – любит она, а другой любит ее. Хотя, нет, они оба ее любят... Вы не найдете на страницах этой книги простого описания любовной истории. Здесь вы сможете встретить этих трех людей на кухне, на набережной, в кафе. Услышать их разговоры, прочесть их мысли, прожить их эмоции. Выпить вместе с ними по чашке чая или по бокалу вина. А все пустоты в повествовании вам придется заполнить самим...

Игорь познакомился с ней холодным февральским днем, она оказалась волшебницей. У нее не было волшебной палочки, и она не знала волшебных заклинаний, но она точно была волшебницей. Причем она хотела осчастливить его против его желания, он пытался прогнать ее, обижал, молчал..., но она, наверное, получила задание или дала своему волшебному начальству обещание сделать его счастливым.

Ей было очень тяжело, она очень боялась ошибиться: когда хотелось кричать, она только молча улыбалась, когда хотелось плакать, она только вздыхала, когда уставала, и ей очень хотелось, чтобы он с ней поделился своей теплотой и нежностью, она считала до десяти, а иногда и до двадцати, и говорила себе: «Потерпи, еще капельку потерпи». И терпела. Нет, она была начинающей волшебницей и иногда совершала очень глупые промахи, после которых, очень тщательно проделав работу над ошибками, с удвоенной энергией стремилась к задуманному.

Самое сложное в волшебстве – это совершать его бескорыстно, не любуясь собой и не потирая руки от удовольствия. Волшебство, оно очень чувствительно, может взять и испариться. А самое обидное, что когда волшебство «неправильное», совсем немножко напутаешь и все, волшебство исчезает, превращается в облако, а иногда даже слезами проливается.

В чем же заключалось ее волшебство? Она должна была научить его верить, что счастье мы создаем сами, что оно есть в каждом из нас, надо только дунуть на него, и оно растечется теплой волной по всему телу. Это и вера в себя, и надежда на лучшее, и доверие, и мотивация, и вдохновение. Счастье – это мелочи, которые согревают в дождливый день, это воспоминания, вызывающие теплоту внутри, это улыбка, появляющаяся из ниоткуда, когда ты просто утром завариваешь себе чай. Она очень старалась, один шаг вперед, два назад, потом еще один вперед и еще, и еще. Он сопротивлялся изо всех сил, жаловался, ныл, а она упрямо воровила. Иногда опускались руки, хотелось сесть, закрыть лицо руками, зареветь и все бросить, но она не могла, она же обещала быть волшебницей.

Но он ждал, сам не зная чего, ему просто очень нравилось ждать и при этом жалеть себя. Он ждал, а пока ждал, то с иронией смотрел на ее тщетные попытки волшебства, иногда, убивая их на корню, иногда позволял им вырасти, но потом все равно убивал, он ведь ждал. И не замечал, что она уже успела совершить так много волшебства.

Целый год волшебства...

Татьяна познакомилась с Игорем холодным февральским днем, он был лучшим мужчиной в ее жизни, а она была волшебницей. Целый год волшебства... И вот снова февраль,

очередная ссора, ставшая уже привычкой. Сорванное с вешалки пальто, и она убегает вниз по лестнице. Звук закрывающейся двери на третьем этаже. И тишина. Она выходит на улицу. Темно и холодно, промозглый ветер дует ей в лицо. Она не может идти, садится на скамейку, покрытую тонким слоем льда, и закрывает глаза...

«Густой туман, я чувствую его кожей, дышать тяжело, воздух влажный и тяжелый, но надо идти. И я бреду в нем, натываясь на других таких же вечных странников. Я протягиваю руки вперед и иду на ощупь...

На моем пути встречаются разные препятствия, некоторые удается обойти, в другие я врезаюсь со всего размаха, расшибая лоб, расцарапывая в кровь ладони, падаю, поднимаюсь с колен, отряхиваю пыль и бреду дальше...

Люди, другие люди... их много на моем пути, я протягиваю к ним свои руки, хватаю их за одежду, пытаюсь остановить, рассказать им о своей усталости и бессмысленности существования. Кто-то из них сразу вырывается, отмахивается и уходит, кто-то остается со мной на некоторое время, до тех пор, пока ему по пути.

Шум проезжающих мимо поездов, рев взлетающих самолетов, вспышки автомобильных фар, ослепляющих на мгновение, крики птиц...

Мне страшно, я устала, шаг, еще шаг, и вдруг впереди пустота, я шагаю в нее и падаю... Мне хочется закричать, но я не могу, страх сдавил мне горло, еще секунда и все закон-

чится».

Татьяна проснулась, кто-то незнакомый тормошил ее за плечо:

– Девушка, вам плохо? Очнитесь, наконец!

– Ой, простите, я просто задумалась...

– Ничего себе задумалась. Никаких возражений, быстро садитесь в мою машину, и едем пить чай. Вы совсем замерзли, заболаете и будете сопеть по ночам.

Татьяна познакомилась с Николаем холодным февральским вечером. Он был доктором. Настоящим доктором. Он очень хотел ее спасти...

...Лицо, мокрое от слез, по спине стекает струйка холодного пота. В квартире тихо, слишком тихо...хочется курить. Она медленно плетется на балкон, прикуривает сигарету, делает первую затяжку, выдыхает тонкую струйку дыма, все, ее отпустило, это был сон, просто дурной сон. Татьяна берет лист бумаги и ручку и начинает сочинять продолжение своего сна. Да, у него обязательно должно быть продолжение. Никто не разобьется, потому что есть люди «светлячки», когда ты их встречаешь, то туман рассеивается, они берут твои исцарапанные руки в свои и зацеловывают все порезы и ссадины, они смотрят на тебя взглядом, полным любви, и ты отогреваешься, они целуют тебя в губы, и после их поцелуя тебе становится легче дышать. Они не уйдут, не от-

пустят твоей руки, потому что они тебя любят. И вы идете вперед, взявшись за руки, и туман постепенно рассеивается, на небе появляется солнце, а в жизни появляется смысл. И это счастье. Надо только не пропустить своего «светлячка», и тогда кошмары снятся больше не будут никогда.

Она досталась Николаю разбитой, сломленной, почти убитой. Ее сердце было раздроблено на триллион осколков, в ее потухших глазах не было тепла, в них больше не плясали чертики, а в животе не порхали бабочки. Она представляла собой кладбище потухших надежд. Была ли она несчастна? Нет, скорее она была разочарована. Вместо души была огромная дыра, из которой сквозило холодом.

Николаю постоянно хотелось ее согреть. Он укрывал ее ноги теплым пледом, заваривал ей чай с лимоном, брал ее ладони в свои и согревал их своим дыханием. Она улыбалась. Точнее улыбались ее губы, а глаза оставались грустными...

Она была ему безумно благодарна. За его заботу, защиту и терпение. С ним было очень тепло и уютно. У них было много общего, давно уже ей ни с кем не было так легко. Но страх был сильнее. Она разучилась доверять. Везде искала обман и подвох и, как правило, находила. Поверить? Снова поверить?

Таня положила голову к нему на плечо и задремала. Ей

снился сон. Тот самый, который мучал ее уже на протяжении многих месяцев.

Она шла по пляжу в длинном голубом сарафане, в руках у нее была соломенная шляпа с большими полями и белым бантом. Солнце садилось за горизонт, отражаясь в воде, ветер раздувал ее волосы. Она чувствовала себя абсолютно счастливой. На пирсе ее ждал мужчина, он размахивал руками и что-то кричал ей, но ветер не давал его словам долететь до нее. Она сняла босоножки и уже не шла, а почти бежала к нему. Она не видела лица этого мужчины, но всем сердцем чувствовала, что этот мужчина – ее судьба, и единственным ее желанием в тот момент было оказаться в его объятиях, казалось, что от этого зависит вся ее дальнейшая жизнь.

Даже во сне она уже знала, что произойдет дальше, но каждый раз надеялась успеть добежать до него.

За секунду небо становилось черным, и огромная стая птиц с жутким шумом налетала на нее и начинала кружить над головой, не давая ей сделать ни одного шага вперед. Их крылья уже били ее по лицу, она пыталась защититься от них, вырваться из круга, но это было невозможно, и она падала на песок, теряя сознание...

Но сегодня птиц не было. И на пирсе ее ждал Николай.

Она проснулась и ощутила легкость во всем теле. Она чувствовала себя отдохнувшей, впервые за последние полгода. Сердце срослось, а глаза улыбались.

Она знала, что это была его заслуга. Он просто был очень

хорошим доктором. Может когда-нибудь он расскажет ей, какое чудодейственное зелье он подмешивал ей в чай, и какие заклинания произносил, согревая ее ладони.

Игорь уже несколько часов бесцельно ходил вокруг дома. Зашел в ларек за пивом. На улице пить пиво было холодно, но домой идти не хотелось. Она снова ушла. Может быть навсегда. Хотя, скорее всего, вернется или он ее вернет. Так было всегда. Но сегодня его дома ждал только торшер...

«Вернулся... что это за грохот? А, опять выпил, значит, мне сегодня придется до рассвета светить ему. Нет, я готов, и даже рад этому, я люблю смотреть на него, лежащего на диване, но эти его бесконечные депрессии, вечный Пелевин, лежащий на журнальном столике, телефон, на который он смотрит каждые пять минут, ждет сообщения, а она не пишет, и мысли, бесконечные мысли, ураганом проносящиеся в его голове «И это все... Однокомнатная квартира, работа в интернет-магазине, встреча с друзьями по пятницам, да о чем я, с приятелями, друзья где-то подрастерялись... Ненавижу... тоска...». Мне так хочется иногда изогнуться и осветить не только диван и стол, а всю комнату, весь мир, чтобы напомнить ему о чуде, которое было у него.

Ну вот, началось... он зашел в комнату, привычным движением включил меня. Сел на диван, поставил на стол бутылку с пивом, положил телефон и открыл книгу. 186 стра-

ница, по-моему, он уже два вечера, как пытается прочитать ее... вот, опять он захлопывает книгу и смотрит на телефон. Сил моих больше нет, не хватает мне 220 В, чтобы все это выдержать. И я начинаю вспоминать...

Я помню ее, она была настоящая. Вы ведь понимаете, о чем я? Я любил ее, наверное, даже больше, чем он. По понедельникам она вытирала пыль с меня, ее руки... такие нежные, добрые, они касались меня, и мне хотелось загореться. Я так ему завидовал, эти руки каждую ночь ласкали его, прикасались к нему. Я слышал, как она говорила, что любит его. Вечерами они смотрели кино, он обнимал ее, гладил по волосам, они пили вино, и от них исходил такой свет... я иногда даже чувствовал себя лишним...

Но ему всегда было всего мало.

Мало однокомнатной квартиры, мало денег, мало любви... дурак... он допивает пиво, ставит бутылку на стол, нет, я должен, обязан помочь! На комод лежат забытые ею часы, я освещаю их, так сильно, как только могу. Ну же вспомни ее руки, ее улыбку, ее смех, ее глаза... пойми, что это было счастье».

Игорь берет в руки телефон и набирает сообщение: «Прости, я люблю тебя».

«Я закрываю глаза и вижу нас. Мы лежим на пляже, твоя голова у меня на коленях, и я ласково глажу твои волосы.

Мимо нас проходит молодая пара. «Ребята, сфотографируйте нас, пожалуйста. У нас медовый месяц». А что у нас? Ты меня любишь? Мне так хорошо сейчас, я могу так сидеть, наверное, целую вечность, мне уютно и спокойно, я с тобой.

Я закрываю глаза и вижу нас. Мы смотрим фильм в кинотеатре, ты берешь меня за руку, и все на секунду замирает вокруг, перехватывает дыхание от волнения и счастья. На экране главный герой смотрит в глаза героине, берет ее за подбородок и целует, у них страсть. А что у нас? Ты меня любишь?

Я закрываю глаза и вижу нас. Мы просыпаемся утром, ты обнимаешь меня, нежно проводишь рукой по волосам и прижимаешь к себе. «Дорогая, что у нас на завтрак сегодня?». Ты не видишь, но я улыбаюсь, я влюблена. А ты? Ты меня любишь?»

Это должна была быть их последняя встреча. Игорь принес ей книжку, которую она оставила у него, а она ключи от его квартиры. На улице было холодно, начало марта, но они медлили, как-то страшно было развернуться и просто уйти.

– Давай еще раз встретимся? Только не здесь...

– Давай! Предлагаю в параллельном мире!

– Где?

– Ты разве не знаешь, что существует множество параллельных миров, и в каждом из них у нас с тобой разная ис-

тория.

На щеках Татьяны появился румянец, а в глазах заплясали «чертики».

«Нет, она все-таки сумасшедшая», – подумал он и невольно улыбнулся.

– Ты только представь, что есть мир, в котором мы учились в одном институте, только я на курс младше, и однажды меня попросили отнести в библиотеку кучу методичек, я шла по коридору, а ты налетел на меня, и я уронила все книжки. Ты пробормотал извинения себе под нос и хотел убежать, но я перегородила тебе дорогу и потребовала мне помочь. Мы собирали книжки и стукнулись лбами, представляешь? В общем, неудачно как-то все получилось, но ты почему-то часто вспоминал смешную девчонку в свитере, похожем на матрас, а я невежливого хулигана в очках. Больше мы не встречались.

Он представил ее восемнадцатилетней студенткой и засмеялся: «Ну, ты и фантазерка. А есть мир, где мы жили вместе долго и счастливо?».

– Есть, конечно, только я его не люблю, скучный он какой-то. Двое детей, кредит на машину, ты вечно недовольный и я, уставшая от забот. Есть еще мир, где мы просто вместе летели на самолете, ты сидел рядом на кресле, а я смотрела на твои руки и иногда, как бы случайно, касалась тебя плечом, но ты вообще не обращал на меня внимания, пришлось вылить на тебя горячий кофе. А еще...

– Как-то очень много этих параллельных миров, ты не находишь?

– Не нахожу! Понимаешь, главное выбрать правильный мир!

– А какой из них твой любимый?

Она ненадолго замолчала, достала сигарету и закурила, он терпеливо ждал продолжения ее рассказа. Он вдруг подумал о том, что как было бы хорошо, если бы ее фантазии были правдой, тогда все можно было бы исправить.

Неожиданно она продолжила свой рассказ: «Настоящий. Понимаешь, жить в настоящем мире очень сложно, намного легче там... в параллельных мирах, мы там можем говорить все, что думаем, не бояться ничего, совсем ничего, потому что всегда есть возможность все изменить. В тех мирах нет непоправимых ошибок. Не страшно быть непонятыми, обманутыми, разочарованными. Можно совершать безумства, ругаться и тут же мириться, говорить о любви, не боясь быть неслышанными, хлопать дверью и тут же возвращаться, бросаться на шею, обнимать и целовать, не боясь, что тебя оттолкнут. А здесь так почему-то не получается, даже у такой ненормальной, как я.

Вдруг им обоим стало жутко холодно и страшно, мурашки пробежали по спине, она провела ладонью по его щеке: «Пока, встретимся в параллельном мире».

Ключи ему она так и не отдала.

– Странно, что он никогда не ревновал меня. Я ведь ему изменяла, а он мне никогда.

– Он тебе не изменял? Тань, ты шутишь?

– Нет. Понимаешь, он просто спал с другими женщинами, но всегда думал обо мне. А я становилась дополнением мужчины или его продолжением. Вот сейчас я дополняю тебя, Ник. И мне это нравится. Я становлюсь лучше. Добрее, спокойнее, красивее. С ним я болела.

Она грустно улыбнулась и встала, чтобы налить себе чаю. На ней была его синяя рубашка, она безумно ей шла, волосы становились рыжее, а глаза – счастливее. Налив себе чая в кружку, она снова забралась в кресло, поджав под себя ноги.

– Я так люблю здесь бывать. Но почему-то утром всегда хочется убежать.

– Я заметил. Ты думаешь, я сплю, когда ты уходишь. Я лежу с закрытыми глазами и жду. Я слышу, как ты снимаешь пальто с вешалки, как застегиваешь молнию на сапогах, открываешь дверь. Мне хочется вскочить с кровати, схватить тебя в охапку, но я почему-то не делаю этого. И ты уходишь...

– Чтобы потом вернуться. Я жутко боюсь, что однажды я приду, а в этом кресле сидит другая женщина, хотя, нет, не боюсь, я знаю, что это когда-нибудь случится. Ник, выполни мою просьбу?

– Какую?

– Не отдавай ей мою рубашку, обещаешь?

– Обещаю. Тогда и ты мне обещай. Обещай больше им не болеть.

– Прости, доктор, но я не могу...

– Соври...

– Ты же знаешь, что я не умею врать. Я умею любить, умею прощать, умею ждать, врать не умею. Я чувствую его, я всегда возвращалась, потому что знала, что ему плохо без меня, больше не вернусь. Ему там хорошо.

– Где там?

– В его мире, с его демонами, с его женщинами. Он больше не думает обо мне. Совсем не думает. Прошло. Все прошло. Мы с ним были как чайная пара, только чашка разбилась, а блюдце за ненужностью убрали на верхнюю полку в самый дальний угол. И теперь оно ждет свою чашку. Только чашки нет. А другая чашка ему не подойдет. Пары уже не получится. Грустно...

– Может вина? Ты опьянеешь и перестанешь думать о нем, я буду играть на рояле, а ты танцевать с бокалом в руке. И снова станешь моим дополнением, хотя бы на одну ночь.

Утром она ушла. На улице было ветрено, моросил дождик, она открыла зонт и пошла быстрым шагом к метро. Она думала о том, что в ее жизни был единственный дом, из которого ей так не хотелось уходить утром и, к сожалению, это совсем другой дом, и ее там уже не ждут.

«Она сидит напротив тебя, ты налил ей вино в бокал, ты смотришь на нее...она ли это...

Голос такой чужой, длинные темные волосы, она, наверное, красива...

Утро, ты открываешь глаза, она рядом... она ли... ты касаешься ее спины, гладишь по волосам.

Что-то предательски болит внутри.

Ты встаешь, как можно тише, чтобы не разбудить ее, и выходишь на балкон, закуливаешь сигарету. Ты давно хотел бросить курить.

Ты думаешь обо мне, со мной было все иначе...я тебя любила».

Таня сидит и пьет вино. Одна. Слез больше нет. Боль есть.

Ошиблась? Придумала? Глоток, еще глоток, сигарета, еще одна сигарета. Больно. И вроде бы уже давно не девочка, нелепо так любить в ее возрасте, так безрассудно, так, как в первый раз.

Измена, предательство, а может просто страх? Страх перед любовью, той которая сжигает все внутри, которая рвется ярким пламенем наружу. Мешает. Помогает. Зовет прикоснуться, поймать взгляд, улыбку.

Глоток, еще глоток. Напиться, забыться, забыть. Невозможно. Что-то мешает. И снова боль, такая сильная, что хочется заорать, завывать, открыть окно. Ночь, ночь за окном и тишина...

Она налила остатки вина в бокал, в пачке последняя сигарета. Игорь так хотел бросить курить, теперь у него точно получится...

Она узнала ее имя. Марина.

Это было ужасно. Она перешла границу. Она залезла к нему в телефон. Самое важное в отношениях – это доверие, больше его нет. И никогда не будет. Нет, конечно, она и так давно уже обо всем догадывалась, но...

Вчера Игорь написал, что любит. Она вернулась. И вот теперь он в ванной, а нее в руках его телефон. А там переписка с ней. И последнее сообщение от него, вчера: «Как хорошо. Просыпаюсь, и ты рядом. Целую».

Что делать? Снова бежать? Куда? На свежий воздух. Здесь ей больше нечем дышать...

Станный это был вечер. Смурной. Угрюмый. Все было странным: луна непривычно большая и ярко желтая, звезды с «глазами», листья под ногами шуршали громче, чем обычно. И этот трамвай. Он тоже был странный.

Игорь стоял на конечной остановке и пил пиво. Было уже очень поздно. Он часто ночами приходил на эту остановку. Иногда один, иногда с другом, несколько раз даже с Таней. Сегодня он был один. Он уже давно один, а все никак к этому

не привыкнет...

Он грустил тогда. Плохо ему было. Выть хотелось на эту самую луну или лечь на рельсы и лежать до утра, пока первый трамвай утром не переедет. Хотелось курить. Игорь достал из кармана пачку сигарет и уже хотел прикурить, как вдруг увидел его. Он был удивительно красивым. Красным с золотом. И гремел так мелодично. Трамвай из прошлого века. Под номером 26. Никогда здесь такие не ходили. Он так и замер от удивления с незажженной сигаретой во рту. Трамвай остановился прямо перед ним, двери открылись, и Игорь зашел в него. К нему тут же подошел кондуктор: «Молодой человек, проезд оплачивать будем?». Игорь полез в карман за бумажником, но тут девушка с задней площадки сказала: «Дядя Леша, опять ты за свое. Молодой человек, не обращайтесь на него внимание. В нашем трамвае проезд бесплатный». И как он сразу ее не заметил? Это была не девушка, а ангел, сошедший с неба. Такая улыбка. Взгляд... А голос...

– Молодой человек, ну что же вы стоите, присаживайтесь. Вот сколько мест свободных. А вам куда?

– Мне? Не знаю...

– Значит до конечной, – сказал дядя Леша и подмигнул девушке.

– Скажите, а почему ваш трамвай ночью ездит по городу, вдобавок еще и не по своему маршруту?

– Почему не по своему? Очень даже по своему. Он у нас разный каждый день. Маршрут то есть. Сегодня вот за тобой

заехали. Ты не переживай, сынок, довезем, куда надо, – сказал кондуктор, дружески, похлопав Игоря по плечу.

– А куда мне надо? Я и сам не знаю...

– Она знает, – махнул он рукой в сторону девушки, – она скажет, где тебе сходить.

– Молодой человек, молодой человек!!! Вставайте! Напьются и спят на остановках, сволочи!!!

– А трамвай где?

– Какой трамвай? Рельсы уже два месяца как разобрали. Алкаш, мать твою.

Да, Игорь уснул на скамейке. На конечной остановке. Отсюда трамваи и раньше ходили только в депо и только по своему маршруту, а теперь и вовсе рельсы разобрали. Жаль только, что он так и не успел узнать, где ему выходить.

Он медленно шел домой, ежась от холода.

– Марина, а ты классная. Правда, хорошо, что мы познакомились.

– Таня, здорово, что ты не облила меня серной кислотой или соляной...

– Вот, дурочка! Я в тебя уже практически влюблена...

– Еще по коктейлю?

– А какой это будет по счету?

– Пятый...

– А, давай! Марин, ты понимаешь, я его все равно люблю.

Очень.

– Он же бабник. А бабник – это всеобщее достояние. Пользовалась, дай другим! Дура ты, Танька, таких, как он, не любят, с ними спят!

– Он тебе говорил, что любит?

– Нет.

– Вот видишь, а мне говорил. Три раза говорил. И два раза писал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.